

Рыцарь бедности

Кунио Маекава в Tokyo Station Gallery

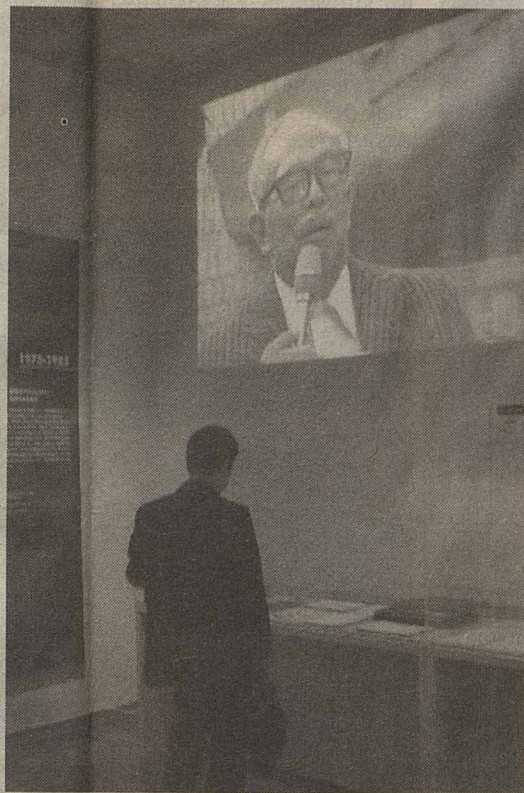
В Токио на старом городском вокзале, превращенном в галерею, прошла ретроспектива великого японского архитектора Кунио Маекавы (1905–1986). Ее готовили к 100-летию со дня рождения, а открыли к двадцатилетию со дня смерти отца-основателя современной архитектуры Японии. В Tokyo Station Gallery пришел поклониться АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ.

Сейчас японцы ходят в сенсеях у всего мира и не прочь вспомнить время ученичества. Тогда они были подмастерьями европейских авангардистов и, заразившись их идеями, везли эту заразу на родину, чтобы привить модернизм к классической японской традиции. В 1930-м с полными чемоданами модернизма вернулся в Токио 25-летний Кунио Маекава. Он два года проработал в парижской мастерской Ле Корбюзье и стал его главным архитектурным представителем в Японии.

Собственно, вся его выставка построена на скрытом диалоге с Ле Корбюзье. Это вполне восточная и церемонная беседа с учителем. Выставка открывается дипломным проектом Маекавы, над которым он работал как раз в годы ученичества. Радиостудия с большим залом для какого-нибудь «театра у микрофона», откуда поэты читали бы революционные танка и хокку на всю бескрайнюю Японию — типичная советская конструктивистская затея, которую стоило бы показывать не во Франции, а в России, каким-нибудь братьям Весниным.

Ле Корбюзье предложил ему совсем другое. Среди артистичных проектов в его знаменитой манере (тонкие линии на пожелтевшей бумаге) есть чертежи плавучей ночлежки, которую Армия Спасения собиралась разместить на Сене. Типовая баржа с помывочной и нарами. Натуральная пародия на наш конструктивизм — коммуна клошаров, плывущая мимо Нотр-Дам, в сущности, была набита братьями по классу московских коммунаров, плывущих по Новинскому бульвару в доме-коммуне Наркомфина. Но уроки бедности Маекава усвоил на всю жизнь.

Первые его постройки полны авангардистского блеска — вроде лаборатории Kimiga с красным потолком в духе парижской виллы Рош

С экрана галереи Кунио Маекава обращается к своим соотечественникам, а его здания давно говорят со всем миром ФОТО АЛЕКСЕЯ ТАРХАНОВА

и окнами, с замечательными столами и стульями из фанерных плоскостей, кожаных сидений и гнутых металлических трубок. Такой стул и стол стоят в зале, не реставрированные, как в галереях, торгующих авангардом, а как есть. В том виде, в каком сохранились, они кажутся добытыми из гробницы эпохи Эдо. Но форма все так же замечательна и современна.

В 1939 году Маекава работал над мемориалом павшим солдатам, конкурс был объявлен военным министерством, которое знало точно, что солдатам предстоит пасть. Нормальная пафосная мемориальная архитектура — в духе ита-

янских фашистских архитекторов, в духе живописи Де Кирико. Когда война началась, он проектировал Дом японо-тайландской дружбы в оккупированном Бангкоке: современный по плану, но совершенно традиционный по формам — с изогнутыми крышами, красными воротами, многоверхими пагодами, какой и должна быть архитектура воинственной тихоокеанской империи, национальной по форме и самурайской по содержанию.

Но в 1942-м Кунио Маекава построил собственный дом — уже по законам военного времени, ровно из тех случайных досок, из которых строили у нас дома на шести сотках, и ровно того же размера. Он уцелел под бомбами союзников и стоит сейчас в экспозиции архитектурного музея под открытым небом, справедливо приравненный к синтоистским храмам. Этот образцовый дом архитектора, простой, дешевый и бесконечно эффектный, служит доказательством того, что из одного и того же материала можно построить сарай, а можно дворец.

Он доказал это после войны, когда выступил с проектами сборных домов, скромных, бедных, но ничуть не убогих. Как повсюду в мире, над которым прошла война, гранит и мрамор ушли на могилы, а живым осталось что есть: дерево, картон, фанера, толь-рубериод — все, чем пользуется сейчас человек, чтобы сколотить себе гараж. Но Маекава создал из этого сора шедевр — книжный склад Kinokuniya Bookstore 1947 года. Здесь дощечки ферм (балок ведь было не достать) показывают настоящий цирковой фокус, акробатическую пирамиду из деревянных реек.

Только к 1950-м он наконец-то получил бетон (сколько хочешь, полными бетономешалками), свой лучший материал, который прославил его и японскую архитектуру XX века. Тогда-то появились зал Saitama Kaikan 1966 с потрясающим эффектом фонарей, светящихся вверх по стенам на сходящийся свод театрального зала и создающих абсолютное ощущение горящих факелов. Или Tokyo Marine Building 1974 с его мотивом парных башен-близнецов, которые потом используют в покойном нью-йоркском WTA. Или «Экспо-70» в Осаке, которая была в такой же степени всемир-

ной выставкой, как и выставкой японской архитектуры. Маекава строил здесь павильон стали и павильон автомобилестроения. Фойе павильона стали было сделано абсолютно в духе стальной архитектуры Мис ван дер Роэ, а в зале, как на цирковой арене, выступала сталь всех видов — шары, спирали, тросы; танцевала и прыгала в лучах лазеров, как дрессированный морской лев. В парных куполах автомобильного павильона Маекава использовал шуховские гиперболоиды — две горы как две трубы возвещали кирдык западному автопрому. В Setagaya Kaikan он выдвинул идею большого бетонного ордера, показал поэзию голого кирпича, изысканность сборных панелей. Его работы были иконой для наших архитекторов хрущевской и ранней брежневской поры, даже в здании ТАСС на Никитской угадываются мотивы Janome Sewing Machine Building 1965. В 1977-м Маекава построил в Кельне Museum für Ostasiatische Kunst, при нем впервые японские архитекторы стали зваными европейскими гастролерами. Он любил Европу и особенно Францию, где провел несколько самых важных для себя лет.

В последнем зале выставки есть витрина с его вещами — старыми вещами старого человека: готвальни, карандаши, любимый циркуль, ручка Montblanc, коллекция гербов европейских городов и эмблемок европейских машин и стопка пластинок на 33 оборота с Джоном Колтрейном наверху. Над витриной все время крутится кино. Съемки подслеповатые, лишь одно официальное ТВ-интервью, все остальные любительские, узкой камерой, нормальное туристское кино. Среди сюжетов — его паломничество к капелле Роншан, той самой знаменитой капелле, в которой Ле Корбюзье попрощался с прямым углом, вылепив ее из бетона, как скульптуру на гончарном круге. И вот они с женой идут, поддерживая друг друга; жена, понятно, в моднейшем синтетическом платочке, как у Катрин Денев в «Шербургских зонтиках»: японки, они не только красавицы, они еще и невероятные модницы, а Маекава смотрит внимательно на знаменитую капеллу Роншан и явно думает о том, чему же все-таки под старость научился у него его учитель.

Коммерсантъ - 2006 - 17 апреля - с. 22